
**ШАРУАЛАРҒА ҚАТЫСТЫ КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ КҮШТЕП ҰЖЫМДАСТЫРУ,
ЕТ, АСТЫҚ ДАЙЫНДАУ ЖӘНЕ БАСҚА ДА НАУҚАНДАРЫНЫҢ ҚҰРБАНДАРЫ
ЖЕРТВЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ, ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ И
ДРУГИХ КАМПАНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА
VICTIMS OF FORCED COLLECTIVIZATION, PROCUREMENT AND OTHER
CAMPAIGNS OF THE SOVIET AUTHORITY IN RESPECT OF THE PEASANTRY**

XҒТАР 03.20.00

**НҰРҒОЖЫ БЕКҚОЖИН ТАҒДЫРЫНЫҢ МЫСАЛЫНДАҒЫ
ҰЖЫМДАСТЫРУДЫҢ Өңірлік ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ. ЖАҢА АРХИВ
ДЕРЕКТЕРІ**

Надежда Александровна Кубик

**Павлодар облысының мемлекеттік архиві басшысының орынбасары,
Қазақстан, Павлодар қ., E-mail: kubiknadezda@mail.ru, ORCID: 0000-
0002-6950-128X**

***Автор-корреспондент**

e-mail:kubiknadezda@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6950-128X

Аннотация. Алғаш рет Павлодар облысының мемлекеттік мұрағатының құжаттарына сүйене отырып, әдейі ұлғайтылған жоспарды орындау үшін ауқатты, бірақ күшті емес, жай шаруашылықтары бар адамдарды дәйекті түрде жоюды жүзеге асырудағы аймақтық айырмашылықтар, сондай-ақ қоғамдағы беделі мен ықпалы бар тұлғаларды дәйекті, құқықты пайдалану жолымен жою үшін, діни ағымның өкілі ретінде және жалдамалы жұмысты пайдаланғаны үшін колхоздан шығарылған қазақтың белгілі ақыны, драматург, аудармашы Халижан Бекхожиннің әкесі - Бекқожин Нұрғожаның тағдырын мысалға ала отырып, оған әлеуметтік-экономикалық, діни бойынша кемсітушілік көрсетіп, сондай-ақ ауыл шаруашылығы салығын төлемегені себептерінен, дауыс беру құқығынан айырылған тұлғалардың тізіміне енгізілгендігі жарияланып отыр.

Ауыл мен селоның, сол кезеңдегі нақты экономикалық мүмкіндіктері ескерілмей, жеделдетіліп жүргізілген күштеп ұжымдастыру нәтижесінде, тұтас бір халықтың дәстүрлі тұрмыс-тіршілігі жойылды, халықтың азаматтық құқықтары жаппай бұзылды. Сонымен қатар, «қанаушы» таптарды жою науқаны нәтижесінде, іс жүзінде, қоғамға ықпалы зор қазақ ауылының «элитасы» жойылды. Олардың қатарында орта шаруа және жай шаруашылықтар, кеңес билігіне оң көзбен қарайтын дін қайраткерлері, рулық партиялардың өкілдері және т.б. болды.

Кілт сөздер: Ұжымдастыру, иеліктен шығару, астық жинау, кемсіту, құқығынан айыру, Кеңес үкіметі, мемлекеттік науқан, қуғын-сүргін, архив, құжат.

МРНТИ 03.20.00

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА
ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ БЕККОЖИНА НУРГОЖИ. НОВЫЕ АРХИВНЫЕ
ИСТОЧНИКИ**

Кубик Надежда Александровна¹

**¹ заместитель руководителя Государственного архива Павлодарской
области Республика Казахстан, г. Павлодар,
e-mail: kubiknadezda@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6950-128X**

***Автор-корреспондент**

e-mail:kubiknadezda@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6950-128X

Аннотация. На основе документов Государственного архива Павлодарской области, публикующихся впервые, показаны региональные отличия осуществления искоренения лиц, имеющих крепкое, но не являющееся зажиточным, хозяйство, отнесенных к таковым с целью выполнения заведомо завышенного плана, а также лиц, имеющих авторитет и влияние, с целью истребления посредством последовательной правовой, социальной и экономической дискриминации, на примере судьбы Беккожина Нургожи – отца известного казахского поэта, драматурга, переводчика Х. Бекхожина, который был исключен из колхоза, как представитель религиозного культа и за использование наемного труда, а также включен в списки лиц лишенцев, за невыполнение сельскохозяйственного налога.

В результате коллективизации, осуществленной силовыми методами без учета реальных экономических возможностей аула и села, был разрушен традиционный уклад жизни целого народа, массово нарушались гражданские права населения, ликвидировано влияние казахской аульной «элиты», которая была уничтожена в результате кампании по ликвидации «эксплуататорских» классов. Наряду с ней дебаизации были подвергнуты середняцкие и маломощные хозяйства, а также вполне лояльные советской власти религиозные деятели, представители родовых партий и др.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание,хлебозаготовки, дискриминация, лишение прав, Советская власть, государственная кампания, репрессия, архив, документ.

IRSTI 03.20.00

**REGIONAL FEATURES OF COLLECTIVIZATION BY THE EXAMPLE
OF THE FATE OF BEKKOZHIN NURGOZHI. NEW ARCHIVED
SOURCES**

Nadezhda A. Kubik

**State Archive of Pavlodar Region. Kazakhstan, Pavlodarc.,e-mail:
kubiknadezda@mail.ru,ORCID: 0000-0002-6950-128X**

***Corresponding author**

e-mail: kubiknadezda@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6950-128X

Abstract. The article, based on the documents of the State Archive of Pavlodar region, published for the first time, shows regional differences in the implementation of the consistent eradication of persons with strong, but not wealthy, households, classified as such in order to fulfill a deliberately overestimated plan, as well as persons with authority and influence, with the aim of extermination through consistent legal, social and economic discrimination, on the example of the fate of Bekkhozhin Nurgozhi, the father of the famous Kazakh poet, playwright, translator Khalizhan. He was expelled from the collective farm as a representative of a religious cult and for using hired labor, and was also included in the list of persons deprived of voting rights for failure to pay agricultural taxes.

As a result of forced collectivization, carried out by forceful methods without taking into account the real economic possibilities of the aul and village, the traditional way of life of an entire people was destroyed, the civil rights of the population were massively violated, the influence of the Kazakh aul «elite» was eliminated, which was actually destroyed as a result of the campaign to eliminate the «exploitative» classes. Along with this, medium and low-power farms that were completely loyal to the Soviet government, as well as religious figures, representatives of clan parties, etc., were subjected to debaization.

Key words: collectivization, dispossession, bread procurement, discrimination, disenfranchisement, soviet power, state campaign, repression, archive, document.

1. Введение. История Казахстана 20-30-х гг. XX века недостаточно изучена, несмотря на многочисленные труды историков и краеведов. Процесс коллективизации долгие годы учеными рассматривался лишь с точки зрения марксистско-ленинской методологии, руководствуясь классовым подходом, вследствие чего негативные последствия этого исторического процесса замалчивались, их обсуждение в обществе находилось под запретом. Современное развитие исторической науки открывает возможности для изучения событий этого периода, в том числе на основе рассекреченных архивных документов региональных архивов, содержащих ценные сведения, которые позволяют воссоздать более полную картину общественной жизни аула и деревни рассматриваемого периода. В частности, на основе достоверных источников стало возможным исследовать ход реализации окружными и районными органами власти директивных заданий Центра по раскулачиванию и ликвидации байства и кулачества как класса. При этом обнажаются факты перегибов, превышения должностных полномочий и злоупотребления представителями местной власти при осуществлении государственной политики коллективизации, которым подверглись в том числе и представители интеллектуальной элиты казахского народа, в полной мере не относившиеся к зажиточному слою населения, но, тем не менее, в процессе осуществления завышенных планов хлебо-, мясо-, а также скотозаготовок, подвергнутые репрессиям как не выполнившие план, приверженцы мусульманской и других религий, представители «чуждого класса» и т.п.

2. Материалы и методы. В процессе подготовки статьи использовались результаты объективного анализа региональных отличий коллективизации на примере в большинстве своем публикующихся впервые документов Государственного архива Павлодарской области, которые изложены последовательно с учетом хронологии. Архивные документы дают уникальную возможность более детально и системно изучить процессы реализации государственных кампаний по форсированным заготовкам сельскохозяйственной продукции, дебаизации, раскулачиванию, искоренению байства и кулачества как класса.

Так, большевистско-сталинским режимом допускались дискриминации по социальным, классовым, экономическим и национальным признакам с целью последовательного искоренения не только баев, но и лиц, имеющих как правило крепкое, в том числе и не зажиточное хозяйство, а также обладающих авторитетом и влиянием в обществе, с целью их истребления.

Например, судьба Беккожина Нургожи, отца известного казахского поэта, драматурга, переводчика Халижана Бекхожина, была в тесной связи с политикой массовых репрессий, осуществляемой государством.

Историческая объективность проблемы достигалась привлечением широкого круга новых, в большинстве своем ранее не публиковавшихся документов следующих фондов: 5 – Павлодарского районного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, 17 – Павлодарского городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся.

3. Обсуждение. В 1990-е гг. дискуссию по проблемам истории коллективизации в Казахстане начали такие известные ученые как М. Татимов, М.К. Козыбаев, К.С. Алдажуманов, Ж.Б. Абылхожин. Ведущие историки предложили новый концептуальный взгляд на государственную политику в сельском хозяйстве и ее результаты, однако многие их исследовательские начинания практически не получили дальнейшего развития в силу имеющейся на тот момент конъюнктуры. Вопрос о жертвах массовых политических репрессий, в том числе насильственной коллективизации и других антинародных акций советской власти, об их «человеческой цене», вновь был открыт казахстанскими исследователями сравнительно недавно.

К примеру, Б.К. Альжаппарова, изучая процессы, происходившие в казахском ауле в первой трети XX века, отмечала, что кампания по конфискации скота и имущества баев-полуфеодалов стала подготовительным этапом для более радикальной и репрессивной политики в аграрном секторе, а основной причиной голода начала 1930-х гг., по мнению исследователя, стала политика многочисленных насильственных заготовительных кампаний (Альжаппарова, 2009).

С ней соглашается российский ученый А.П. Козлов, который считает, что передел сенокосных и пахотных угодий и конфискация байских хозяйств в аграрном секторе Казахстана создали условия для безоговорочной поддержки партийно-советским руководством республики политики форсированной коллективизации в 1929 г. (Козлов, 2012).

А.С. Жанбосинова исследовала региональный аспект процесса ликвидации кулачества и байства как класса на материалах Государственного архива Восточно-Казахстанской области. Она отметила, что репрессивная политика советской власти по отношению к байству и кулачеству преследовала не только классовые цели, но и психологические. Исследовав материалы архивных дел Департамента КНБ РК по Восточно-Казахстанской области, А.С. Жанбосинова сделала вывод, что количество осужденных по обвинениям в терроре значительно уступает количеству осужденных за не сдачу хлеба (Жанбосинова, 2017).

С.А. Жакишева раскрыла социальные аспекты казахского аула конца 20-х – начала 30-х гг. XX века. Ею воссоздан социально-психологический портрет раскулаченного бая, восстановлена логика действий механизма репрессий в

отношении зажиточных слоев казахского аула, показаны альтернативные точки зрения на конфискацию со стороны официальных органов и самих баев (Жакишева, 2021). По мнению исследователя, это, в основном, лица зрелого и пожилого возраста как образованные, так и неграмотные, обладавшие большим жизненным опытом, житейской мудростью и авторитетом (Жакишева, 2021:125).

В исследовании Ш. Фицпатрик описаны различные стратегии крестьянства, использованные для выживания в тяжелых условиях насильственного переустройства сельского хозяйства. Автор отмечает, что стратегии подчиненных не сводились к различным способам сопротивления власти, а включали в себя приемы защиты себя, своих прав и достижения индивидуального успеха. Ш. Фицпатрик выдвигает несколько стратегий выживания сельчан в трудные годы коллективизации именно на момент, когда советская власть вела жестокую борьбу с кулачеством и байством (Фицпатрик, 2001:22).

В 2009 г. была издана книга французского историка Изабель Огайон в Казахстане в переводе сотрудника Отдела историографии и источниковедения ИИЭ КН МОН РК А.Т. Ракишевой. Автор книги на протяжении многих лет занималась исследованием насильственной оседлости (седентаризации), коллективизации, а также голода в Казахстане. В ее работе исследуются масштабы дебаизации, имевшей целью лишить собственности и влияния казахских феодалов, дается анализ вооруженных выступлений казахов против насильственной коллективизации и раскулачивания, насильственного оседания, проанализировав процедуру принятия политического решения, роль и ответственность национальных и региональных руководителей, трагические последствия, к которым привели процессы, направленные на советизацию казахского аула, в виде ужасающей демографической катастрофы, унесшей по оценкам автора около 1100000-1400000 жизней вследствие голода и порядка 600000 откочевавших с привычных мест обитания (Огайон, 2009).

На современном этапе благодаря исследованиям отечественных учёных антинародная программа «Малый Октябрь», в том числе и процесс коллективизации, в Казахстане получили более глубокое и детальное освещение. Были определены этапы и на основе научного анализа установлена последовательность действий власти по отношению к сельскому населению.

Благодаря деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, начиная с 2020 г. силами казахстанских ученых, архивистов, обществоведов, юристов был изучен огромный пласт документов государственных и специальных государственных архивов, ранее закрытых для исследователей или невостребованных ими, изданы монографии, сборники документов.

В результате отечественная историография по данной проблематике пополнилась научными исследованиями известного ученого-правозащитника, кандидата юридических наук, руководителя Проектного офиса Госкомиссии, заслуженного деятеля Республики Казахстан Касымова С.А., который делает

вывод о том, что реализованная ставленником Центра Ф. Голощёкиным и его командой антинародная программа «Малый Октябрь в Казахстане», приведшая к гибели миллионов казахов и представителей других этносов, была самой страшной трагедией в истории Казахстана, более разрушительной, чем «Большой террор» 1937-1938 гг. По его мнению, авантюрная и репрессивная реализация программы «Малого Октября в Казахстане» привела к насильственному разрушению традиционных систем жизнеобеспечения коренного населения, подорвала экономическую основу их жизни, уничтожила продовольственный ресурс – источник существования народа. Государственное подавление воли и протестов народа против этого эксперимента и тотальных политических репрессий наряду с последовавшим голодом привели к национальной катастрофе (Касымов, 2022).

Также, большой интерес представляют исследования Хана В.В., в которых был дан анализ нормативных актов, материалов уголовных дел, отразивших процесс дебаизации и раскулачивания и негативные последствия механической концентрации права собственности в руках государства, приведшие в голоду в Казахстане (Хан, 2022); Жакишевой С.А., осуществившей комплексное и системное изучение с применением нетривиальных методов исторического исследования материалов по конфискации байских хозяйств, что позволило раскрыть сущность и последовательность первого этапа дебаизации в Казахстане, раскрыть его последствия, выявить истинные цели проводимой государством политики, а также реконструировать социальный облик владельцев богатых, зажиточных, середняцких и бедных хозяйств (Жакишева, 2022).

4. Результаты исследования. Исходя из имеющихся научных трудов ученых и архивных документов, можно утверждать, что реализация государственной политики по раскулачиванию, проводимая Советской властью, в Казахстане имела свои особенности. Представить ее целостную картину позволяют материалы местных архивов, в которых отражены региональные отличия осуществления последовательного искоренения социального слоя лиц, имеющих крепкое, но не являющееся зажиточным, хозяйство, отнесенных к таковым с целью выполнения заведомо завышенного плана, а также лиц, имеющих авторитет и влияние, с целью истребления посредством последовательной правовой, социальной и экономической дискриминации. Показательна в этом смысле судьба Беккожина Нургожи, отца известного казахского поэта, драматурга, переводчика.

С 1929 г. начинается процесс резкого роста хлебо-, мясо-, скотозаготовительных планов, а сами хлебозаготовки осуществляются с применением репрессивных методов и жёстко контролируются с помощью института специальных уполномоченных, присланных из центральных органов власти, которые при поддержке местных активистов выгребали зерно из колхозов и единоличных хозяйств без остатка, отнимая даже семенные, фуражные и продовольственные фонды. На заседании президиума

Павлодарского окрисполкома, состоявшемся 26 января 1929 г., отмечается резкое ухудшение выполнения плана хлебозаготовок в январе 1929 г., всего лишь 139068 пудов при месячном задании 1300000 пудов. В протоколе заседания говорится, что, «подтверждая вновь все ранее данные указания в этой области, резко подчёркивая, что хлебозаготовительная кампания остаётся первостепенной по важности государственной задачей, решительно преваляющей над всеми остальными, Президиум Окрисполкома категорически предлагает всем райисполкомам, сельсоветам, советско-профессиональным организациям и заготовителям под строжайшую ответственность напрячь все силы и средства, принять решительно все исчерпывающие и действенные меры к стопроцентному выполнению плана хлебозаготовок...». Устанавливается план хлебозаготовок на 3 квартал 1929 г. в объёме 3200000 пудов и намечаются мероприятия по выполнению данного задания любой ценой [ГАПО, 11: 6].

На 1930/1931 г. план хлебозаготовок был увеличен в три раза, составив 7 млн. 750 тыс. пудов. Центр заставлял беспрекословно выполнять спущенные сверху планы. В регионы шли грозные директивы о необходимости его выполнения любой ценой. Большинство попыток местных властей добиться его уменьшения решительно пресекались. Ставка руководства страны на массовое политическое насилие над крестьянством стала государственной политикой, главным методом решения проблемы изъятия из деревни продовольственных ресурсов для нужд индустриализации. Такими же насильственными антинародными методами осуществлялись заготовки и других видов сельхозпродукции: мяса, молока, масла, скота и др.

Одним из средств подавления зажиточного и среднего класса, было лишение избирательного права, в том числе лиц, использующих наемный труд, баи, духовенство. Данная мера была направлена на подрыв влияния тех категорий населения, которые большевики стремились устранить от управления государством. Нарушение политических прав влекло за собой ограничения и в других естественных правах человека, таких как свобода выбора места жительства, свобода передвижения, свобода выбора профессиональной деятельности, право на образование и др. С утратой значительной части гражданских прав лишенцы практически становились изгоями общества.

Для них было закреплено обложение твердыми заданиями по хлебо-, ското-, и мясозаготовкам, которые многие выполнить не могли. За неуплату налогов, невыполнение твердых заданий по заготовкам следовало осуждение по ст. 61 УК РСФСР – уклонение от налогов, срыв заготовок, и следующей за ней – конфискации имущества и ссылке. Кроме того, увольнение с работы, исключение из профсоюзов и кооперативов лишали возможности получать товары и продукты в условиях карточной системы в 1929-1935 гг., а также пенсий, пособий. Лишенцы подвергались выселению из квартир, не имели возможности работать на государственных предприятиях, занимать

руководящие должности, детей лишенцев часто исключали из школ, не допускали в высшие учебные заведения и мн. др.

Документы свидетельствуют, что на раннем этапе коллективизации материальное положение отдельных категорий крестьянства существенно ухудшилось, что привело к упадку сельского хозяйства. В последующие годы с целью реализации планов кампании местная исполнительная власть, выполняя спущенные директивные указания вышестоящих органов, усилила экономическое давление на крестьянство. Множество фактов свидетельствует об осуществлении последовательных насильственных кампаний неоправданно жёсткими методами, многочисленных фактах перегибов и злоупотребления властью, допущенных местными исполнительными органами во время хлебо-, мясо-, и скотозаготовок.

Одним из административных просчетов, приведших к повсеместному упадку сельского хозяйства, разрушению среднего класса общества, составляющего основу экономики и стабильности любого государства, были спущенные сверху планы по раскулачиванию, составленные на основе предварительно проведенных расчетов. Прогнозные задания по производству зерновых культур значительно превосходили реальные возможности хозяйств. В результате физической невозможности сдачи запланированного количества сельскохозяйственной продукции внутри колхозов производились чистки колхозов от «чуждых элементов» за несоблюдение плана, которые принимают массовый характер, начиная с весны 1930 г.

В погоне за выполнением результатов остались без пропитания, были вычищены из колхозов и лишены избирательных прав тысячи аульчан.

Один из тысяч примеров такой чистки – исключение из колхоза и ликвидация как класса в ходе развернувшейся в республике кампании по хлебо-, мясо-, и скотозаготовкам как имевшего наемных работников, муллы и участника родовой партии Беккожина (Бекхожина) Нургожи – отца Халижана Бекхожина – известного казахского поэта, драматурга, переводчика; народного писателя Казахской ССР (1986), лауреата Государственной премии Казахской ССР (1978), участника Великой Отечественной войны, члена Союза писателей Казахстана (1936), чье имя и судьба входит в золотой фонд выдающихся казахстанцев.

Нургожа был также известным поэтом, состязался в айтысах с такими известными импровизаторами, как Иса Байзаков и Жаяу Муса. Он дружил и переписывался с акыном Акан серы, собирателем казахской генеалогии и устного народного творчества Машхуром Жусупом Копеевым и другими выдающимися людьми своего времени. В данном случае на примере семьи Халижан родился и вырос в Павлодаре, рано приобщился к поэтическому творчеству. Атмосфера творчества, с детства окружавшая Халижана, общение с талантливыми людьми сыграли большую роль в формировании его творческой личности.

Его старший брат Каиржан также в детстве впитал в себя всю красоту и образность казахской речи. Впоследствии он посвятил себя журналистике и

стал одним из первых исследователей истории казахской печати, основателем кафедры журналистики Казахского государственного университета имени С.М. Кирова в 1940-е гг., доктором исторических наук, профессором, членом Союза журналистов СССР.

На общем объединенном собрании бедняцкой группы с колхозниками колхоза «Жетекши» г. Павлодара от 21 декабря 1931 г. о ходе хлебозаготовок и чистке колхоза был заслушан доклад о ходе хлебозаготовок и чистке чуждых элементов из колхоза. Собрание постановило: «Выполнение плана хлебозаготовок в колхозе «Жетекши» идет безобразным отношением¹. На 20 декабря план хлебозаготовок выполнен лишь на 85 %. Мобилизовав все силы на хлебозаготовку и, во что бы то ни стало, нужно выполнить к 25/XII на 100%. Преступно выполняющим членам и бригадам план хлебозаготовок принять строжайшие меры. За противное отношение к колхозному строительству, за растраниженный² колхозный скот, за преступное отношение к выполнению плана хлебозаготовок исключить из колхоза следующих лиц и ликвидировать как класс...». Далее следует список раскулаченных на 157 фамилий, в том числе членов семьи (жен, детей, снох и т. д.), среди которых по Актюбинскому сельскому Совету было лишено права голоса 54 бая, в 1930-1931 гг. они были раскулачены и высланы, среди них и Беккожин Нургожа. Ему дана следующая характеристика: «...3. Беккожин Нургожа. Имел в своем хозяйстве батраков. Несколько лет работал по религиозной линии и сейчас продолжает вести религиозную работу. Участвовал в родовой партии и был выбран муллой мечети. Сын его, Калижан, не отдав в колхоз свою лошадь, уничтожил. В данное время учится в Ветзоотехникуме. Сын Каиржан по своей политике в 1931 году разделился от отца, но его считать вместе с отцом. Со времени вступления в колхоз ни один член из семьи в колхозной работе не участвовал. Преступно халатно выполняет план хлебозаготовок» [ГАПО, 17, 5: 271, 271 об.].

В ответ на это постановление 26 декабря 1931 г. Нургожа пишет заявление в президиум Павлодарского райисполкома, горсовет и райпрокуратуру от члена колхоза «Жетекши» г. Павлодара. Имеет смысл привести его полностью³: «В настоящем прошу президиум райисполкома, горсовета и прокуратуру обратить серьезнейшее внимание на данное заявление.

Постановлением колхоза «Жетекши» от 21/XII-с/г как будто бы меня исключили из колхоза и составляли материалы к репрессированию, которые мотивированы тем, что якобы я носил почетное звание «человек религиозного культа» и отчасти пользовался наемным трудом.

¹ Так в документе. Возможно, имеется в виду «образом».

² Так в документе. Возможно, имеется в виду «растраниженный».

³ Орфография оригинала сохранена.

Считаю эти факты как объективно, так и субъективно, ничем не обоснованы, а лишь только голые компрометирующие материалы и личности. В сути чего вношу следующие объективные доказательства.

Правда, что я имею образование религиозного культа, т. к. и не было в старое время доступно получить другое образование. Но я от природы был верен поэтическим талантам, сочиняя на родном языке стихи экспромтом, обладал большой компетентностью и поэтому известен среди массы казахского населения. Скитался, как человек свободной профессии по всей территории Казахстана и заслужил почета и уважения всею массой и всей популярностью. Поэтому масса мне дала звание «Машкур-мулла», т. е. в точном смысле этого слова означает слово «машхур» – всем известный мулла. Мулла у нас называют по принципу всякого человека, сведущего в грамоте (особенно обращаю ваше внимание на это потому, что под предлогом чего составлен на меня материал).

Специальный пост [служителя] религиозного культа я никогда не обслуживал, извлечением трудового дохода по принципу одурманивания масс не занимался и наемным трудом не пользовался. Это может подтвердить самый объективно устанавливающий факты.

Несколько лет проживаю в г. Павлодаре, основное занятие у меня все время было скотоводство и вел полукочевой образ жизни и потому объекты обложения сельского хозяйства числились в прилегающих к г. Павлодару аулсоветах № 1, 3 бывшего Уруковского, Сейтеновского районов (ныне № 19 аул Пав[лодарского] района) до 1930 года.

За период с 1926 по 1930 г. согласно окладным листам за № 416, 449, 648 и 648 (так в документе) имел поголовье мелкого и крупного скота от 6 до 17 голов и облагался сельхозналогом в размере от 2 р. 55 к. до 6 руб. 51 к., что характеризует мое хозяйство.

В 1930 году в связи со сплошной коллективизацией по месту жительства перешел в колхоз «Жетекши», при переходе тогда № 1-3 аулсовет Сейтеновского района дал справку от 22/III-30 г. о том, что я права голоса не лишен и индивидуально не облагался.

Согласно постановлению общего собрания колхоза «Жетекши» от 24/III-30 я был принят в колхоз. При вступлении в колхоз я не вошел ни под каким-либо укрывательством и умышленным сокращением поголовья скота (ибо я кем являюсь, массе известно).

До 1930 г. со мной в иждивении состоял двухродный брат, который разделял и имущество. В колхоз вошел со следующим имуществом: с 8-ю головами крупного и мелкого скота, двумя бричками и одной сенокосилкой, из которых обобществил тягловую силу и сельхозинвентарь, две коровы колхозу сданы в скотозаготовку, 3 лошади сейчас в колхозе. Со времени вступления в колхоз активно принимал участие в укреплении колхоза, имею характеристику (отзыв) от самого правления колхоза, выданную 23/III-30 г. за № 140.

Несколько лет проживаю в г. Павлодаре в подчинении городского совета и одновременно в административном ведении аулсовета. Если я являюсь действительно служителем религиозного культа, занимался извлечением нетрудового дохода и использовал наемный труд, то почему я до сих пор не лишен права голоса и не репрессирован тогда, когда проходят усиления классовой борьбы и ликвидация действительно классово чуждых элементов как класса на основе сплошной коллективизации.

Неужели вопреки всему этому я был достоин того, что я как гражданин советской власти безо всякого должного обсуждения лишиться существования?

Поэтому в силу вышеизложенного прошу, основательно разобрать мое заявление, так как следствие вашего решения и составленного материала колхоза в отношении меня является неправильным, ибо это считаю фиктивно обработанным и не постановлением [на основании] обсуждения широких общественных масс, а лишь только в узких рамках по предположениям имеющих личные счета ко мне отдельных лиц и особенно уполномоченным по хлебозаготовкам, плохо знающим мое положение.

Еще лишний раз подчеркиваю, что я являюсь лояльно преданным гражданином советской власти, не каким-либо другим, а как человек, заслуживающий моральное уважение всей массы и как рядовым крестьянином, занимающимся сельским хозяйством без применения наемного труда, и других побочных заходов⁴. Это могут подтвердить все активные части населения. А вступил в колхоз явно полезным объектам и интересам.

Имею два сына, которые со школьного возраста при советской власти получали коммунистическое воспитание и образование и ведут общественно полезную работу. Оба являются комсомольцами, старший сын со мной в иждивении не состоит и проживает отдельно.

Семья состоит из двух едоков: самого 70 лет, трудоспособных в семье двое. Несмотря на все это мне доведенные самообязательства в размере 20 пудов я принял и до 21-го успел сдать около 10 пудов (сдачу продолжаю), дальше мне не дали возможность выполнить, составили материал и описали все имущество.

Поэтому и ходатайствую, прошу Вас как органы власти, чтобы основательно разобрать мою жалобу и отменить вынесенное обо мне решение, тем самым дать мне возможность посильно выполнить самообязательства и остаться в колхозе.

Примечание: при сем прилагаю последнюю справку от 19 аулсовета от 6/ХІІ-с/г за № 1445, выданную на основании подтверждения прежних членов с/совета о том, что я за период нахождения в адм. вверении аульного совета не был подвергнут никакой репрессии как в личном, так и хозяйственно-политическом отношении, также лишение права голоса, индивидуальному

⁴ Так в документе. Вероятно, имеется в виду «доходов».

побочному обложению не подлежал и лишь числился в группе бедняцких хозяйств.

К сему Беккожин. 26 декабря 1931 г.» [ГАПО, 17, 5: 275, 275 об., 276, 276 об.].

Как видно из данного заявления, хозяйство Беккожиных составляло всего от 6 до 17 голов крупного и мелкого скота, тогда как для нормального существования казахской семьи, то есть по своим размерам хозяйство Беккожиных никак не могло быть отнесено к зажиточным или хотя бы середняцким.

В отчете Кзыл-Агачинской районной комиссии по проведению конфискации имущества и скота баев о результатах подготовки кампании по конфискации, направленном Павлодарской окружной конфискационной комиссии и окружному партийному комитету не ранее 21 сентября 1928 г., указано, что комиссией была проведена работа по сбору сведений о социальном положении и происхождении баев, подлежащих конфискации, составлены их списки. При составлении предварительных списков кулацких и байских хозяйств, проходивших в условиях полной секретности, источником сведений служили показания батраков, которые не требовали подтверждения и, по сути, никем не проверялись. При этом сама комиссия констатирует, что «по хозяйственному состоянию в Кзыл-Агачинском районе как в других районах нет крупных среди сильных родов баев, похожих, например, [на] Чермановых⁵ в Баян-Аульском районе, в Теренгульском районе – [на] роды Майкара и Жанкара, в Павлодарском районе – [на] род Казангап. Павлодарский округ является по населению полукочевым, в том числе и Кзыл-Агачинский район, где, если все мелкие домашние животные перевести условно в крупные, то не найдутся хозяйства (баи), имеющие более 300 голов крупного скота» [Аманова, Кубик, 2023: 30]. Поэтому предлагалось включить в список, за неимением действительно состоятельных баев, лиц, имеющих менее 100 голов скота. При этом, при составлении отчета самой комиссией констатируется, что никаких препятствий баи и аткамнеры открыто или скрытно не чинили. «Однако нельзя сказать о том, что они якобы не постараются по-своему действовать среди населения. Активность батраков и бедняков показывает, что они будут выкорчевывать корни сопротивления баев».

Возможно, приняв во внимание размеры хозяйства, в колхозе Н. Беккожина в 1931 г. восстановили: на протоколе поверх характеристики имеется резолюция: т. Беккожин Нургожа. См. протокол, постановили: в колхозе восстановить. От 25/VI 31 года за № 12. Подпись⁶».

На основе идущих из центра директив, требующих все больше усилить борьбу с байством, начиная с 1928 г. местными властями была развернута широкомасштабная репрессивная акция по массовой конфискации и

⁵ Так в документе. Вероятно: Чормановых.

⁶ Подпись неразборчива.

экспроприации байских «полуфеодалных» хозяйств и ликвидации огромного влияния на местное население казахской аульной «элиты», как активно сопротивлявшейся «советизации» аула, так и настроенной вполне лояльно к советской власти. Эта кампания к 1930-1931 гг. принимает беспрецедентный характер и охватывает все большее количество неугодных Советской власти лиц различных категорий. В 1930-1931 гг. конфискации подвергаются хозяйства, которые при самом критичном подходе трудно назвать байскими, например, Н. Беккожина, имевшего не более 17 голов скота.

В 1934 г. Павлодарской районной избирательной комиссией Н. Беккожин был утвержден в списке баев и лиц, лишенных избирательного голоса [ГАПО, 5: 9 об., 10].

Социальное происхождение было определяющим всю дальнейшую судьбу. Происходя из «непролетарского» рода, семье сложно было получить высшее образование, занять должность, стать руководящим работником. Такие же ограничения в гражданских правах распространялись и на лишенцев. Происхождение проверялось путем запроса справок из мест проживания семьи. Так, в 1937 г. Павлодарским горсоветом была выдана справка от 9 апреля 1937 г. № 20/а о том, что Беккожин Каиржан ранее проживал в г. Павлодаре по ул. Володарского, дом № 58, по соц. происхождению – сын священнослужителя (муллы). Уроженец Актюбинского аулсовета Павлодарского района [ГАПО, 17, 131: 63].

Тем не менее, благодаря талантам и трудолюбию братьям Халижану и Каиржану Бекхожиным удалось стать знаковыми личностями. Халижан с 17 лет работал ответсекретарем в редакции Павлодарской окружной газеты «Колхоз»⁷. Публиковаться он начал с середины 1930-х гг. В 1934 г. делегатом от Павлодарской области Х. Бекхожин побывал на 1-м Съезде казахстанских писателей. На съезде на него большое впечатление произвели выступления Сакена Сейфулина, Мухтара Ауэзова, Сабита Муканова, Беимбета Майлина, Ильяса Жансугурова. По совету С. Сейфулина в том же году Халижан поступил в КазПИ им. Абая. В институте лекции студентам читал Сабит Муканов, которого Х. Бекхожин считал своим учителем. Он же предложил Х. Бекхожину участвовать в написании школьной хрестоматии по литературе, что для молодого поэта было честью. Воспользовавшись случаем, Х. Бекхожин включил в содержание хрестоматии произведения Машхур Жусупа Копеева. Это был без сомнения смелый поступок, поскольку в те годы М.Ж. Копеева считали «буржуазным националистом», его произведения не печатали, труды не издавали.

В 1938 г., окончив Казахский педагогический институт имени Абая, он был приглашен ЦК комсомола на должность главного редактора республиканского комсомольского издательства. В 1938-1939 гг. выходят его

⁷ Газета «Колхоз» – орган Павлодарского окружкома ВКП(б), окрисполкома и окрпрофсовета, издавалась на казахском языке. С 15 февраля 1929 г. по февраль 1930 г. выходила под названием «Кенес туы». С 1930 г. после ликвидации Павлодарского округа становится органом Павлодарского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсоюза. С образованием Павлодарской области в 1938 г. газета переименована в «Қызыл ту».

первые серьезные произведения: «Партизан Балтабай», «Ақсақ құлан», «Орман қызы», в эти же годы вышла в свет первая книга его стихов «Лесная девушка». Вскоре после издания поэму «Орман қызы» выдвинули на соискание премии ЦК ВЛКСМ Казахстана.

Одновременно он работал в Союзе писателей Казахстана, в который был принят еще в пору студенчества, в 1936 г., затем работал в Казахском научно-исследовательском институте национальной культуры.

В 1942 г. он ушел на фронт, с 1942-1946 гг. был военным журналистом. Как журналист свои статьи писал на основе информации из первых уст, много времени беседуя с ранеными и очевидцами. Его фронтовые репортажи, стихи – «наш Кошкарбай», «Памяти друга», «Сестре», «Освенцим», «Вновь раскрывшийся цветок» и другие поддерживали боевой дух солдат, укрепляли в них веру в победу.

В первый сборник («Поход», 1944) вошли его лучшие стихи о героизме советских воинов, о дружбе народов СССР.

После демобилизации в 1946 г. три года работал научным сотрудником в Институте языка и литературы АН Казахской ССР.

Халижан Бекхожин сыграл важную роль в жизни Кабдыкарима Идрисова – поэта, переводчика, внесшего значительный вклад в казахскую детскую литературу и песенное творчество, переводчика классиков русской и советской литературы на казахский язык.

В 1947 г. после окончания Павлодарского педагогического училища Кабдыкарим Идрисов работал инструктором Павлодарского облисполкома. В Павлодаре он случайно встретился с Халижаном Бекхожиным, тогда уже известным литератором, который порекомендовал его первое стихотворение редакции областной газеты.

Х.Н. Бекхожин – автор более 25 поэтических сборников, стихов и поэм. Среди них: «Двадцать восемь» (1942), «Весна» (1948), «Под звездами Москвы» (1949), «Мария – дочь Егора» (1950). «Степной комиссар» (1960) и др. Он автор песен для театра, переводчик стихов и прозы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В. Маяковского, А.М. Горького и др. на казахский язык. Лауреат Государственной премии Казахской ССР, народный писатель Казахской ССР. Он награжден двумя орденами Трудового Красного знамени, орденом Дружбы народов, орденом Отечественной войны II степени, медалями, грамотами. Его именем названа средняя школа № 12 в г. Павлодаре, улицы г. Алматы и Павлодаре, установлены мемориальные доски на домах где он жил: в г. Алматы по ул. Шевченко, 2 и в г. Павлодаре по улице М. Горького, 41 (на месте, где стоял деревянный дом, в котором в 1930-е гг. жил К. Бекхожин). В его именем названа улица, на доме, где он жил, установлена мемориальная доска. В 2013 г. в сквере у «Ақ мешіт» в старой части г. Павлодара открыт памятник Х.Н. Бекхожину.

Каиржан Бекхожин стал журналистом, историком казахской печати, с 1950-1960-х гг. был признан в научном сообществе как исследователь исторического наследия казахской журналистики. Журналистское наследие

ученого в 1930-е гг., его карьера основателя кафедры журналистики Казахского государственного университета имени С.М. Кирова в 1940-е гг., его журналистские исследования оказали большое влияние на становление нашей родной журналистики как науки.

Много лет сотрудничал с областными и районными газетами Павлодарской, Семипалатинской и Костанайской областей, в 1935-1939 гг. являлся заведующим отделом Семипалатинской областной газеты «Екпінді», а в 1942 г. был назначен редактором Костанайской областной газеты «Большевиктік жол». В 1945 г. он работал старшим преподавателем, деканом отделения журналистики КазГУ, в 1948-1979 гг. заведовал кафедрой истории журналистики. К. Бекхожин – автор более 60 статей, под его научным руководством защищены 12 кандидатских диссертаций.

5. Заключение. В 1920-1930-е гг. в полной мере проявился антинародный характер аграрной политики советского государства, основанной на ускоренной коллективизации как казахского аула, так и переселенческой деревни, раскулачивании и высылке владельцев относительно крепких экономически хозяйств. Вместе с тем, в погоне за завышенными показателями, спущенными Центром, осуществляемыми на местах местными исполнительными органами при поддержке бедняцких комитетов, для достижения результатов в списки зажиточных граждан включались хозяйства либо среднего и низкого достатка, так называемые маломощные, которые подвергались не только изъятию скота и имущества в счет государства, но и лишению гражданских прав с целью последовательной правовой, социальной и экономической дискриминации и искоренения лиц, имеющих авторитет и влияние в обществе. В результате форсированной коллективизации, осуществленной силовыми методами без учета реальных экономических возможностей аула и села, был разрушен существовавший, сложившийся веками традиционный уклад жизни целого народа, массово нарушались гражданские права населения, ликвидировано влияние казахской аульной «элиты», которая была фактически уничтожена в результате кампании по ликвидации «эксплуататорских» классов. Наряду с ней дебаизации были подвергнуты середняцкие и маломощные хозяйства, а также вполне лояльные советской власти религиозные деятели, представители родовых партий и др. Социальная напряженность в обществе между классами нагнеталась искусственно посредством создания бедняцких групп, проведения собраний, идеологического воздействия, отнесение к тому или иному классу часто строилось на формальных признаках.

Список литературы и источников

1. Альжаппарова Б.К. Традиционное хозяйство казахов в первой трети XX века: трансформация и крушение (по материалам Центрального Казахстана). Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. к.и.н. – Алматы, 2009.

[Электрон. ресурс]. – 2009. – URL:<http://dslib.ru/istoriya> (дата обращения: 12.12.2024).

2. Политические репрессии в Павлодарском Прииртышье: судьбы людей в архивных документах. Сборник документов. Составители: Аманова А.С., Кубик Н.А., Сыздыкова А.М., Молдакимова А.С., Каримова А.Е., Дошанова К.И. / Под общ. ред. Курмановой А.А. – Павлодар, 2023. – 252 с.

3. Жакишева С.А. Элиминация байских хозяйств в Казахстане на рубеже 20-30-х гг. XX в.: новые подходы, методы и технологии. Монография / С.А. Жакишева. – Алматы: Қазақ университеті, 2021. – 222 с.

4. Жакишева С.А. Конфискация байских хозяйств в Казахстане на рубеже 20-30-х гг. XX в. Монография. Автор: Жакишева С.А./ Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. – 1976 с.

5. Жанбосинова А. С. Ликвидация кулачества как класса на материалах ГАВКО. // Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Исторические и социально-политические науки». – 2017. – № 1(52). – С.163-168.

6. Касымов С.А. «Специфика и особенности политических репрессий в Казахстане». – Астана, 2022.

7. Козлов А.П. Социально-экономические преобразования в казахском доколхозном ауле второй половины 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы и практика. – 2012. – № 12(26). – С.118-122 [Электрон. ресурс]. URL: www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_12-1_28.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

8. Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 г.г.) / Изабель Огайон; [пер. с фр. А. Т. Ракишева; сост. Б. М. Сужиков]. Алматы: «Санат», 2009. – 368 с. <https://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1112324&lang=ru> (дата обращения: 15.12.2024).

9. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 422 с.

10. Хан В.В. Правовое фреймирование полной реабилитации жертв политических репрессий (на примере раскулачивания и дебаизации): Монография. Автор: Хан В.В. / Под общ. ред. Е.Т. Карина.-Астана,2022.-312 с.

11. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО). ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.94. Л.9об., 10.

12. ГАПО. Ф.11. Оп.1. Д.41. Л.36.

13. ГАПО. Ф.17. Оп.1. Д.5. Л.271, 271об.

14. ГАПО. Ф.17. Оп.1. Д.131. Л.63.

References

1. Al'zhapparova B.K. Traditsionnoye khozyaystvo kazakhov v pervoy treti KHKH veka: transformatsiya i krusheniye (po materialam Tsentral'nogo Kazakhstana). Avtoref. disser. na soisk. uch. st. k.i.n. – Almaty, 2009. [Elektron. resurs]. – 2009 [Alzhapparova B.K. Traditional economy of the Kazakhs in the first third of the twentieth century: transformation and collapse (based on materials from Central Kazakhstan). Author's abstract. dissertation for the job application uch. Art. Ph.D. – Almaty, 2009. [Electron. resource]. – 2009] [in Russian].
2. Politicheskiye repressii v Pavlodarskom Priirtysh'ye: sud'by lyudey v arkhivnykh dokumentakh. Sbornik dokumentov. Sostaviteli: Amanova A.S., Kubik N.A., Syzdykova A.M., Moldakimova A.S., Karimova A.Ye., Doshchanova K.I. / Pod obshch. red. Kurmanovoy A.A. – Pavlodar, 2023. – 252 s. [Political repressions in the Pavlodar region: the fate of people in archival documents. Collection of documents. Compiled by: Amanova A.S., Kubik N.A., Syzdykova A.M., Moldakimova A.S., Karimova A.E., Doshchanova K.I. / Under general ed. Kurmanova A.A. – Pavlodar, 2023. – 252 p.] [in Russian].
3. Zhakisheva S.A. Eliminatsiya bayskikh khozyaystv v Kazakhstane na rubezhe 20-30-kh gg. KHKH v.: novyye podkhody, metody i tekhnologii. Monografiya / S.A. Zhakisheva. – Almaty: Kazakh universitety, 2021. – 222 s. [Zhakisheva S.A. Elimination of bai farms in Kazakhstan at the turn of the 20-30s. XX century: new approaches, methods and technologies. Monograph / S.A. Zhakisheva. – Almaty: Kazakh universities, 2021. – 222 p.] [in Russian].
4. Zhakisheva S.A. Konfiskatsiya bayskikh khozyaystv v Kazakhstane na rubezhe 20-30-kh gg. KHKH v. Monografiya. Avtor: Zhakisheva S.A./ Pod obshch. red. Ye.T. Karina. – Astana, 2022. – 1976 s. [Zhakisheva S.A. Confiscation of bai farms in Kazakhstan at the turn of the 20-30s. XX century Monograph. Author: Zhakisheva S.A./ Edited by: ed. E.T. Karina. – Astana, 2022. – 1976 p.] [in Russian]
5. Zhanbosinova A. S. Likvidatsiya kulachestva kak klassa na materialakh GAVKO. // Vestnik KazNPU im. Abaya, seriya «Istoricheskiye i sotsial'no-politicheskiye nauki». – 2017. – № 1(52). – S.163-168. [Zhanbosinova A. S. Elimination of the kulaks as a class based on GAVKO materials. // Bulletin of KazNPU named after. Abay, series «Historical and socio-political sciences». – 2017. – No. 1(52). – P.163-168.] [in Russian].
6. Kasymov S.A. «Spetsifika i osobennosti politicheskikh repressiy v Kazakhstane». – Astana, 2022. [Kasymov S.A. «Specifics and features of political repressions in Kazakhstan». – Astana, 2022.] [in Russian].
7. Kozlov A.P. Sotsial'no-ekonomicheskkiye preobrazovaniya v kazakhskom dokolkhoznom aule vtoroy poloviny 1920-kh gg. // Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy i praktika. – 2012. – № 12(26). – S.118-122 [Elektron. resurs]. URL: www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_12-1_28.pdf (data obrashcheniya: 15.12.2024) [Kozlov A.P. Socio-economic transformations in the

Kazakh pre-collective farm village in the second half of the 1920s. // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions and practice. – 2012. – No. 12(26). – P.118-122 [Electron. resource]. URL: www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_12-1_28.pdf (access date: 12/15/2024)] [in Russian].

8. Ogajon I. Sedentarizaciâ kazahov SSSR pri Staline. Kollektivizaciâ i social'nye izmeneniâ (1928-1945 g.g.) / Izabel' Ogajon; [per. s fr. A. T. Rakiševa; sost. B.M. Sužikov]. Almaty: «Sanat», 2009. – 368 s. <https://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1112324&lang=ru> (data obrašeniâ: 15.12.2024) [Ohion I. Sedentarization of the Cossacks of the USSR under Stalin. Collectivization and social change (1928-1945) / Isabel Ohio; [transl. with fr. A. T. Rakisheva; comp. B. M. Suzhikov]. Almaty: «Art», 2009. – 368 p. <https://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1112324&lang=en> (accessed: 15.12.2024)] [in Russian].

9. Fitzpatrik SH. Stalinskiye krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: derevnya / per. s angl. – M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2001. – 422 s. [Fitzpatrick S. Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: village / trans. from English – M.: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2001. – 422 p.] [in Russian].

10. Khan V.V. Pravovoye freymirovaniye polnoy reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy (na primere raskulachivaniya i debaizatsii): Monografiya. Avtor: Khan V.V. / Pod obshch. red. Ye.T. Karina. – Astana, 2022. – 312 s. [Khan V.V. Legal framing of the complete rehabilitation of victims of political repression (using the example of dispossession and debtization): Monograph. Author: Khan V.V. / Under general ed. E.T. Karina. – Astana, 2022. – 312 p.] [in Russian].

11. Gosudarstvennyy arkhiv Pavlodarskoy oblasti (GAPO). [State Archives of Pavlodar Region (SAPO)]. Fond 5. Opis' 1. Delo 94. List 9 o6., 10. [SAPO. Fund 5. Inventory 1. Case 94. Page 9 o6., 10.].

12. GAPO. Fond 11. Opis' 1. Delo 41. List 36. [SAPO. Fund 11. Inventory 1. Case 41. Page 36.].

13. GAPO. Fond 17. Opis' 1. Delo 5. List 271, 271 o6. [SAPO. Fund 17. Inventory 1. Case 5. Page 271, 271 o6.] .

14. GAPO. Fond 17. Opis' 1. Delo 131. List 63. [SAPO. Fund 17. Inventory 1. Case 131. Page 63.].
